

ВОСПОМИНАНИЯ О БОРИСЕ ЗИНОВЬЕВИЧЕ КАНТОРЕ

М.Н. Малеев

Национальный музей «Земля и люди», София, Болгария
maleevm@abv.bg

1. Борис Зиновьевич Кантор.

С возрастом я чаще и чаще оглядываюсь назад, в сторону пройденного жизненного пути, в поисках самых светлых минут жизни. Мне приятно их заново переживать. Почти все они связаны с минералами — собственными находками, подарками, результатами исследований, людьми камня. Частый гость моей памяти — Борис Зиновьевич Кантор (Б.З.), с которым меня связывает 55 лет дружбы. При этом я часто держу в руках часть оставшихся у меня его каменных подарков, вчитываюсь в посвящения его книг, перелистываю страницы в поисках любимых фотографий. Особо, с глубоким волнением я снова и снова смотрю на надпись, написанную дрожащей рукой 25 февраля 2021 года, в книге «Коллекционирование минералов. Школа начинающего коллекционера».

Первая встреча. В 1968 году Виктор Иванович Степанов рассказал мне об удивительном коллекционере минералов, предложил привести его ко мне домой (я тогда жил в Москве) и попросил подарить ему некоторые минералы. Я обрадовался встрече, предложил незнакомому коллекционеру прийти с рюкзаком и обещал подарить ему столько камней, сколько можно вынести на спине. У меня дома камни были в ящиках из-под фруктов, поставленных друг на друга по 10–12 штук. Дюжина ящиков была с дубликатами и болгарскими образцами «для подарков». Гость сам себе выбрал подарки, и, когда он уходил, рюкзак внушал уважение. Этим гостем был Борис Зиновьевич Кантор. Я не успел ни разу поехать с ним за минералами, так как вскоре защитил диссертационную работу и вернулся в Болгарию. Виктор Иванович уже бредил не Голутвином, а с таинственным видом рассказывал о новом замечательном подмосковном месторождении псевдосталактитов халцедона, но держал его от меня в секрете.

В 1970 году я приехал в Москву к моей жене — пианистке Жени Захариевой, которая заканчивала аспирантуру в Московской консерватории у Татьяны Петровны Николаевой. Я вымолил вечер для посещения Бориса и знакомства с его коллекцией. Меня удивило богатство коллекции, порядок, аккуратные этикетки, ящики с уложенными образцами. В памяти остался прекрасный большой образец гётита с Вольни, каких я никогда не видел. Я получил несколько подарков — отдельные псевдосталактиты халцедона из Старой Ситни (это и было то самое место, которое поначалу скрывал от меня Виктор Иванович), кристалл апатита из Дашкесана и удивительный сферолит фенакита диаметром 4 см в породе. Борис рассказал, что фенакит происходит из строго секретного месторождения Ермаковское в Бурятии, название которого я не должен никому и никогда разглашать. Мы несколько часов рассматривали коллекцию, стало поздно и транспорт уже не ходил. Борис вышел меня провожать, но вместо такси остановил патрульную машину милиции и упрямил подвезти меня до дома Жени на

Образцы и фото: Б.З. Кантор, из его статей, опубликованных в «Минералогическом Альманахе», если не указано иное.

2. Флюорит: антискелетный кристалл. Диаметр 1.5 см. Дальнегорск, Приморский Край. Образец: В.В. Пономаренко.

3. Целестин, расщеплённый кристалл. 4.5 см. Шураб, Исфаринский район, Согдийская область, Таджикистан.

Грузинской улице. Я возвращался домой на милицейской машине, счастливый от уникального сферолита фенакита, который сейчас является предметом гордости музея «Земля и Люди» в Софии.

В последующие годы при моем приезде в Москву на конференции и торжественные события я всегда навещал Б.З. и всегда получал минералы и авторские книги. Б.З. дарил с удовольствием, с улыбкой раскрывал лоток и говорил: «выбирай». Я не помню случая, чтобы я просил какой-то камень. Б.З. сам предлагал, спрашивал «нравится?» и клал в сторону для меня. Один раз великодушно предложил настольный станок для распиловки образцов, но мне было трудно его увезти. Для музея подарил роскошный образец из Дашкесана — гранат-эпидотовый скарн.

Наши просмотры минералов прерывались чаем с традиционными блинчиками с мясом и разговором за столом на всевозможные темы. Меня очень волновали вопросы устойчивого развития. Моим кумиром был академик Валентин Афанасьевич Коптюг, президент Сибирского отделения АН СССР, и Борис со своей женой Ириной называли меня «борцом за гуманизм». В доме у Б.З. царил особая атмосфера семейной гармонии, я чувствовал себя очень уютно, и не хотелось его покидать. В драматичные девяностые годы Б.З. однажды предложил проводить меня до остановки троллейбуса, объясняя мне, что бывает так, что в Москве пропадают люди. Б.З. был всесторонне одаренным и обладал уникальными способностями во множестве областей. Он умел доводить начатое дело до конца, до совершенной законченности. Рассматривая все стороны его коллекционирования — от полевой работы до витрины и шкафа с лотками с коробками, самый привередливый критик не смог бы найти ничего, к чему мог бы придраться. То же относится к художественно-научным фотографиям минералов. Все геологи любят снимать, многие минералоги сами документируют свои объекты исследования. Б.З. развил свой талант до уровня лучших мастеров — художников-фотографов минералов России — Михаила Богомолова и Михаила Лейбова (илл. 2–6).

Особо хочу сказать о популяризации онтогении минералов. Б.З. не рассказывал онтогенические байки. Он приглашал читателя стать сотружеником и совместно в диалоге анализировать намеки древних тайн Земли. Его инженерное образование накладывало отпечаток на его научный стиль. Он был, если можно так выразиться, инженерным онтогенистом. Его не устраивал чисто эмпирический подход, осовремененный генетическими представлениями. Он искал объяснения наблюдаемых фактов, часто осмысленных до уровня «научный факт», опираясь на законы, принципы, методологию теоретической науки. Особо любимыми были у Б.З. заимствованные у нашего Учителя Виктора Ивановича Степанова «Доказательство от противного» и «Универсальный принцип симметрии Пьера Кюри». Ответ на волнующий его вопрос Б.З. искал в теоретическом анализе.

Этим мы отличались друг от друга. Я искал ответ в самом камне, в эмпирическом обобщении множества осмысленных и вдумчиво систематизированных научных фактов. Это обобщение незыблемо во времени и имеет силу закона, как не раз отмечал Владимир Иванович Вернадский. По научному стилю, мне кажется, близким Б.З. был «математический онтогенист» Владимир Аркадьевич Мальцев. Б.З. с гордостью заявлял, что изучает минералы без каких-либо инструментальных методов — так, как приходится изучать минералы коллекционерам, непрофес-